

В. Ф. АСМУС

«Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна

История формальной логики в конце XIX и в XX в. — история все более и более четкого выделения логики из сложного целого философских наук и развития ее в *специальную* науку. Результаты этой науки имеют не только теоретическую ценность, но получают все большее — и притом чрезвычайно важное — практическое применение. В своем специальном *научном* содержании логика стала мощным орудием при решении разнообразных практических задач. Став сама специальной наукой, логика в свою очередь начала влиять на развитие ряда специальных наук — естественных, технических и гуманитарных.

Всякая специальная наука имеет свою историю. Имеет ее и логика. История логики XX в. своеобразна. *Выделяясь* из комплекса философских наук, логика не могла *начисто отделиться* от философии. Специальные логические результаты выступали и выступают в ней в сращении с положениями теории познания. Сращение это может быть органическим, но может быть и «случайным», не обязательным для логики как науки. Это справедливо даже по отношению к математической логике. Это тем более справедливо по отношению к таким областям логики, как семиотика (общее учение о знаках) или как составная часть семиотики — семантика (учение об отношениях между знаками и тем, что посредством них мыслится). Пирс, Бертран Рассел, Карнап, Рейхенбах, Лукасевич не только логики в своей философии, но и философы в своей логике. Таким же философом в логике был и Витгенштейн. Он сам отдавал себе в этом ясный отчет, назвав свою первую книгу «Логико-философским трактатом». Название это вполне соответствует ее содержанию.

Итак, книга Витгенштейна — произведение не только логика, но и философа. И в том и в другом своем содержании она целиком

принадлежит истории. Но историческое ее значение как логического трактата и ее значение как философского построения совершенно различно и неравноценно.

Историческое значение любого труда может быть двояким. Есть книги, содержание которых принадлежит *только* истории и мертво для современной науки. И есть книги, которые, принадлежа уже истории, в то же время живут — по крайней мере в какой-то части своих идей — и для современности. Они продолжают влиять на современность — если не непосредственно, то через тех современных деятелей науки, которые когда-то прошли через их влияние, усвоили их плодотворные идеи, переработали их и пошли дальше, вперед.

Философское содержание трактата Витгенштейна исторично только в первом смысле. Оно принадлежит к тому типу теории познания, который составляет всецело достояние истории буржуазной философии. Воспроизведение этих учений в философии XX в. есть не возвращение живого в круг живых и не доказательство жизненности того, что казалось умершим, а попытка мертвого еще раз схватить живое.

Философская теория Витгенштейна — субъективный идеализм, а еще точнее — гносеологический солипсизм с «поправкой», утверждающей несказанность и невыразимость — средствами языка и логики — не только самого солипсизма, но и всякого вообще философского положения. Учение это не только философски противоестественно, бесплодно и ложно, оно неспособно быть последовательным до конца. Бертран Рассел в своем «Введении» к трактату Витгенштейна совершенно справедливо с присущей ему тонкой иронией отметил философскую непоследовательность Витгенштейна, постоянное противоречие между утверждаемой им несказанностью всякого философского положения и столь же постоянными попытками высказывать и даже обосновывать собственные философские утверждения: «Колебание, — пишет г-н Бертран Рассел, — вызывает то, что в конце концов м-р Витгенштейн сказал довольно много о том, что не может быть сказано, позволяя тем самым скептически настроенному читателю предполагать, что существует какая-то лазейка через иерархию языков или какой-нибудь другой выход»¹.

Если бы содержание «Логико-философского трактата» ограничивалось только его философской доктриной, то, пожалуй, не было бы смысла предлагать эту книгу вниманию советского читателя.

¹ Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 25.

Но книга Витгенштейна не только философский трактат. Книга эта — талантливое *логическое* исследование. В этом своем содержании она оказалась одним из неустрашимых звеньев в развитии логики XX в. Правда, и в своем *логическом* содержании трактат Витгенштейна принадлежит уже истории. Однако его историческое значение — историческое значение во *втором* характеризованном мною выше значении этого понятия. Это тот вид исторического, которое — в своих результатах — сохраняется и в настоящем.

Значение «Логико-философского трактата» в том, что в нем Витгенштейн, вслед за своим учителем Бертраном Расселом и опираясь на достигнутые последним в логике результаты, развил некоторые важные логические идеи крупнейшего немецкого логика XIX в. Фреге.

В силу обстоятельств, о которых здесь нет возможности распространяться, логические идеи Фреге, обоснованные и сформулированные им главным образом в его логико-математических работах, стали знакомы логикам с большим запозданием. Со времени выхода его исследования «*Begriffsschrift*» (1879) до времени, когда можно уже обнаружить начало знакомства логиков с его логическим учением, прошло не менее двух десятилетий. А между тем логические идеи Фреге, так долго остававшиеся в тени и никем не развивавшиеся далее, были значительны и плодотворны. Он первый *строго* сформулировал намеченное уже Аристотелем и весьма важное для логики различие между логическими постоянными и логическими переменными. Он определил краеугольное для современной логики понятие логической функции, в частности *многоместной* функции, а также понятие квантора. Он усовершенствовал и придал более строгую форму аристотелевскому учению об аксиоматике² и ввел в логику четкое различие между законом и правилом.

Все эти новые для логики понятия получили развитие в работах Бертрانا Рассела — частью самостоятельно, частью в фундаментальных «*Principia Mathematica*», написанных Расселом совместно с Уайтхедом.

Но во взглядах Фреге был и такой круг идей, которые получили свое дальнейшее развитие и продолжение уже не столько в работах Рассела, сколько в «Логико-философском трактате» Витгенштейна. Это были идеи, относящиеся к области *семан-*

² Историческая объективность требует отметить, что после Аристотеля идея аксиоматической системы разрабатывалась — правда, в применении к теологии — схоластиками Аленом из Лилля и особенно Николаем из Амьена.

тики. Семантика совершенно необходима для логики и весьма важна как ее проблема³. В качестве такой — научной — проблемы семантика возникла еще в *античной* логике — в логике Аристотеля, а затем в средневековой логике, давшей многообразные разветвленные учения семантики, в частности учение о семантических антиномиях.

С возникновением логики нового времени интерес к семантическим проблемам был утрачен, и они были вновь оставлены в поле зрения в работах Фреге. Он установил различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung), строго сформулировал различие между языком и тем, что современная послефрегевская логика называет «метаязыком», создал теорию логических обозначений.

Исследования Фреге стали исходными не только для Бертрانا Рассела, но — в еще большей степени — для Витгенштейна. По своему образованию Витгенштейн не только философ, начавший свою деятельность в составе Венского кружка, и не только логик. Он изучал некоторые вопросы построения машин и проблему логических основ математики. В связи с этими изучениями он стал работать над вопросами логического «анализа языка», рано осознав его первостепенное значение для логики.

Один из важных результатов Витгенштейна — разработанное им учение о матрицах, или таблицах, истинности. Однако и в этой области он отнюдь не безусловный пионер. Уже античная стоическая и мегарская школы знали способ определения функторов посредством значения истинности. Определениями в форме таблиц пользовался также Фреге — «Begriffsschrift». Но в совершенно ясной форме идею такого применения таблиц развил — сознательно примкнув к традиции античной логики — Пирс еще в 1880 г.

Витгенштейн разработал свои матрицы истинности почти одновременно с Лукасевичем и Постом (E. L. Post) — около 1920 г. В «Логико-философском трактате» учение Витгенштейна о матрицах истинности изложено в 4.27 и сл. до 4.45. К нему непосредственно примыкает изложение вопроса об условиях истинности тавтологии и логического противоречия.

³ Нельзя игнорировать принципиальную разницу между семантикой как областью науки логики и гносеологическими идеалистическими теориями, примешанными к логическим семантическим исследованиям зарубежных ученых — идеалистов в философии. Было бы ошибкой, если бы вместо того, чтобы критиковать идеализм некоторых семантиков, мы стали догматически отрицать самую семантику как ветвь науки логики. Существование семантики как одной из *научных* задач логики нисколько не может быть поколеблено критикой, основанной на отрицании семантики как области науки логики.

Но если Фреге, по-видимому, навел Витгенштейна на мысль о важном логическом значении матриц истинности, то разработал Витгенштейн это учение отнюдь не в духе Фреге, а совершенно самостоятельно — в том плане крайнего номинализма, который составляет основу всех его семантических построений. В этом смысле Витгенштейн — антипод Фреге.

Поставив вопрос о выражении функций истинности, Витгенштейн пошел в этом вопросе дальше Рассела. Он не только повторил результат Шеффера, а также результат Рассела в «Principia Mathematica», показавших, что все функции истинности заданного множества предложений могут быть выражены как посредством функции «не- p или не- q », так и через функции «не- p или не- q ». Взяв за исходную функцию «не- p или не- q », он показал, что аналогичный процесс получения всех остальных функций истинности применим и к случаям, когда предложения, представляющие аргументы функций истинности, являются общими предложениями. Соединив свое учение о выводе общих предложений из конъюнкций и дизъюнкций с результатом Шеффера и с положением, согласно которому предложение может входить в другое предложение лишь в качестве аргумента функции истинности, Витгенштейн создал основу для весьма значительного упрощения логического учения о выводе⁴.

Отмеченные результаты относятся к логическим, а не к философским выводам Витгенштейна. Они обосновывают неоспоримое место Витгенштейна в истории науки логики XX в. Они не могут быть отброшены в силу тех оснований, которые принуждают нас отвергнуть как несостоятельные субъективно-идеалистические гносеологические построения автора «Логико-философского трактата» — новую вариацию немахистских теорий Венского кружка и близких к нему философов.

⁴ Это достижение подробно характеризует в своем «Введении» к «Логико-философскому трактату» Бертран Рассел.